

Уважаемый одиннадцатиклассник!

Задание 1

Предлагаем Вам два произведения. Выберите для анализа одно из них.

Выполните целостный анализ произведения.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Борис Иванов БЕДНЫЙ КНОК

Пауль Кнок, ефрейтор 193-го пехотного полка 18-й дивизии, медицинской комиссией весной 1943 года переведенный из первой категории годности во вторую и с тех пор служивший не в войсках первой линии, а в штабе, где он помимо других обязанностей разносил по батальонным командным пунктам ежедневную почту, 17 октября 1943 года был убит. Винтовочная пуля попала ему в ключицу и, скользнув выше, перебила *arteria canatics*.

Врачи считают, что в этом случае смерть наступает мгновенно.

Выстрел был произведен Иваном Петровичем Павловым, до войны работавшим слесарем на канатной фабрике им. 25 октября. Он недавно окончил краткосрочные снайперские курсы и вошел в снайперское отделение 316-го стрелкового полка.

Фридрих Кох, дежурный пулеметчик, первый заметил тело однополчанина Пауля Кнока. О случившемся он доложил командиру роты обер-лейтенанту Шеллингу. "Бедный Кнок!" - проговорил Шеллинг и попросил соединить его с батальонным командиром. Командира батальона около телефона не оказалось, сообщение принял связист, который, не опуская трубки, перезвонил по другому аппарату дежурному офицеру штаба полка. "Бедный Кнок!" - сказал офицер, в обязанности которого, кстати, входило составление отчетов о понесенных потерях, подготовка бумаг, связанных с отчислением из личного состава полка, и отправка вещей и документов родственникам убитого.

"Вы уверены, что это русский снайпер?" - спросил он. "Одиночный выстрел", - сказал связист, понимая, что никаких других дополнений в этом случае не требуется. Офицер поблагодарил и доложил о происшедшем майору Ратнеру, управляющему артиллерийским огнем на участке полка. Ратнер взглянул на схему огня и отдал через Питера Гюте, своего телефониста, приказ трем батареям подготовиться к артиллерийскому налету на квадрат 17х14.

Иван Павлов не был уверен, что его пуля достигла цели. Несколько пулеметных очередей, которые последовали после выстрела, показали, что фрицы его укрытия не засекли. Но, как рекомендовали бывалые снайперы, он сразу залег "на дно", даже не перезарядив винтовку. Он знал - это было известно в окопах всем, - что на каждый удачный выстрел снайпера немцы отвечали карательным огневым налетом. И если налет вскоре последует, значит, выстрелив в серое пятно, мелькнувшее в перекрестии прицела, он не промахнулся.

Павлов перевернулся на спину и стал жевать хлеб, смотря на серое пасмурное небо, расслабив глазные мышцы - как советовали делать в школе.

К 9.30 батареи доложили майору Ратнеру о готовности к ведению огня по квадрату 17х14. Командиру полка полковнику Хохдорферу уже доложили, что будет произведен артоналет в ответ на активность снайперов. Он отвлекся от книги, которую читал, кивнул и

спросил, кто убит. "Ефрейтор Кнок", - получил он ответ. "Бедный Кнок!" - сказал полковник и взглянул на часы.

Рядовой Пахомов слышал выстрел из снайперского окопчика, выдвинутого в сторону противника метров на 25. "Павлов стрелял", - сказал он сержанту Иванову, направляющемуся к старшине, своему земляку из Курска, пить чай. Иванов взглянул в сторону немецких траншей и скрылся за поворотом окопа.

В 9.45 вторая, третья и четвертая батареи произвели первый залп. Из двенадцати выпущенных 88-мм снарядов десять взорвались между окопами, один угодил в бомбовую воронку, оставшуюся от весны прошлого года, где был устроен ротный сортир, двенадцатый ударил в бруствер, за которым находился рядовой Пахомов, но не взорвался. В сортире был убит рядовой Зайцев.

По документам Зайцев, 1921 года рождения, по образованию инженер-технолог, женат, имеет ребенка, наград и судимостей не имеет.

Через минуту последовал второй залп. Два снаряда разрушили часть окопа второй линии, был порван провод, связывающий ротные командные пункты, и контужен пулеметчик Семен Александрович Макаров. Он не оставил своего поста и позднее получил от командира батальона благодарность.

Во время третьего залпа было выпущено не двенадцать, а одиннадцать снарядов. Это произошло потому, что на одной из пушек второй батареи заклинило гильзу в камере ствола. Второй и третий номера расчета по указанию командира орудия Билли Брамса извлекли гильзу ручным экстрактором, орудие же уже без неполадок вело огонь до приказа "Зачехлить орудия!".

На следующий день оружейный мастер батареи Шмидт произвел проверку выбрасывающего механизма пушки, но явных дефектов не обнаружил. Он предположил, что порох заряда, по-видимому, отсырел и поэтому откат ствола не был полным. Этим и объясняется, что автоматический выбрасыватель не сработал.

Была произведена проверка боеприпасов батареи: условия хранения и правильность сортировки по срокам их заводского изготовления. Нарушений правил обнаружено не было, о чем командир батареи капитан Балецкий доложил по инстанции.

Командир 316-го стрелкового полка Мартынов позвонил на командный пункт комбата майора Платонова: "Что за шум там у вас?" Платонов сказал, что, скорее всего, немцы производят огневой налет, никаких передвижений противника не замечено. Об огневом налете Мартынов доложил в штаб дивизии сам, так как хотел попутно выяснить, когда в часть придет пополнение.

Начальник штаба дивизии Усвятцев, недавно награжденный вторым орденом Красной Звезды, спросил командующего артиллерией подполковника Крулева, находившегося тут же в подвале, где располагался штаб, известно ли ему месторасположение немецких батарей, ведущих огонь по позициям 316-го полка. Крулев ответил: "Да". Но вести огонь по каждому поводу подполковник считал излишним, так как это раскрывает местоположение собственных батарей, на что - на такую тактику - командир дивизии однажды заметил: "Для вас лучшие пушки те, которые не стреляют".

Усвятцев сделал несколько звонков, чтобы выяснить, есть ли необходимость открывать контрбатарейный огонь. Подполковник Крулев направился ходом сообщения к артиллерийским разведчикам.

Сержант Иванов был убит, когда шел от землянки старшины Парамонова к блиндажу командира роты Малофеева. Осколок снаряда разрезал его почти надвое. Сержант Иванов успел подумать, что кровь течет, как река.

Расчеты второй, третьей и четвертой батареей продолжали вести огонь. После пятнадцати залпов, они знали, принято делать файерпаузу на полторы-две минуты. Это положительно сказывалось на состоянии материальной части орудий, к тому же за эти полторы-две минуты противник может, ожидая вылазки, занять места в своих окопах. Пока они снова будут укрываться в землянках и блиндажах, снаряды нанесут им дополнительные потери.

На целесообразность файерпауз указывали преподаватели артиллерийских и пехотных училищ всего мира. И теперь, продолжая стрельбу, расчеты орудий поглядывали на командиров батарей.

Снаряд четырнадцатого залпа, выпущенный орудием, у которого произошла задержка с выбрасывателем, попал в дымоход землянки 1-й роты второго батальона 316-го полка. В это время здесь находились рядовые Потапов, до войны человек без определенных занятий, Сидоров Михаил Петрович, закройщик фабрики "Трибуна", большой любитель хорового пения, Платонов, однофамилец командира батальона, и ефрейтор Овчинников, который считал, что на войне люди погибают только из-за своей глупости. Потапов, Сидоров, Платонов были убиты, Овчинникова невредимым выбросило через дверь землянки.

В 10.00 команды на продолжение огня не последовало. Но на второй батарее раздался запоздалый выстрел: расчет одного орудия не уложился в темп стрельбы. На других батареях, услышав выстрел, улыбнулись.

Подполковника Крулева позвали к телефону, как только он вошел в блиндаж артиллерийской разведки дивизии. Начальник штаба Усвятцев, недавно награжденный вторым орденом Красной Звезды, сообщил, что получено распоряжение на ответный налет по немецким батареям. Крулев сказал, что через пять минут он откроет огонь.

Старший лейтенант Кандыба, командир взвода разведчиков, положил перед начартом карту с отметками о предполагаемом расположении батарей, ведущих сейчас огонь. Крулев по телефону продиктовал их координаты своему помощнику капитану Воробьеву. Тот, в свою очередь, передал их командирам двух батарей 75-мм пушек и батарее 122-мм гаубиц и назначил время первого залпа.

Командир первой гаубичной батареи капитан Кутузов заявил, что он может вести огонь только из двух орудий, так как два других в ремонте, о чем он уже докладывал. Капитан Воробьев сказал: "Всё у вас не слава богу" - и указал произвести расстрел снарядов из расчета ведения огня всеми четырьмя орудиями.

Командир 2-й роты капитан Малофеев без сопровождения вышел из своего командного пункта и направился в траншею первой линии. Первым он встретил Семена Александровича Макарова, который вследствие контузии потерял слух. Капитан Малофеев решил вынести благодарность рядовому Макарову, который, несмотря на контузию, не покинул свой пост. Затем он встретил старшину Парамонова, который вместе с рядовым Пахомовым несли на шинели убитого сержанта Иванова.

Капитан Малофеев в бинокль осмотрел немецкие позиции. Ефрейтор Овчинников рассказывал, как в дымоход его землянки попал снаряд. "Дурак", - подумал командир роты. Как он уже докладывал, в расположении немцев никакого передвижения не наблюдалось.

"Бедный Кнок", - подумал командир пехотного полка 10-й дивизии Хохдорфер, когда после перерыва снова послышалась артиллерийская стрельба. Но тотчас мысленно поправился, ибо выстрелы донеслись с русской стороны.

Снаряды гаубичной батареи, половина орудий которой находились в ремонте, разорвались в расположении транспортной роты саперного батальона 18-й пехотной дивизии. Снарядом были убиты две лошади и разбросана поленница дров.

Координаты, полученные двумя другими батареями, лишь частично совпадали с месторасположением немецких батарей, участвующих в карательном огневом налете: снаряды первой батареи ложились справа, а второй батареи - с перелетом на 300 метров. Но гаубичная батарея в течение десяти минут разгромила транспортную роту саперного батальона, который оказался под огнем случайно.

Были уничтожены: два грузовым "опеля", склад с горючим и цементом. Ефрейтор Фогель, получивший медаль за храбрость, проявленную при наведении переправы через реку Нарву, пытался вывести свою автомашину из автопарка, но отказался от этой мысли, когда в расположении батальона вновь взорвались снаряды. Командир батальона майор Кныш, член нацистской партии с 1923 года, сообщил в штаб дивизии, что если позволить русским еще полчаса расстреливать его батальон, то от него ничего не останется.

По согласованию с представителем авиации майором Кноррингом лейтенант Нушке, пилотировавший свой "фокке-вульф" в районе Синявинских болот, получил приказ определить координаты орудий, ведущих огонь в районе Колпино. Нушке доложил о получении приказа и изменил курс полета с северо-западного на западный. В районе Колпино облачность была ниже, и ему было нужно точно рассчитать выход к батареям, чтобы не оказаться под прицельным огнем малокалиберных автоматических пушек.

Иван Павлов на дне окопчика подпаливал кристаллом ватный фитиль и гасил. Бывалые снайперы предупреждали: закуришь - покойником будешь.

В расположении транспортной роты горела машина.

На батареях 75-мм орудий предполагали, что ведут огонь по немецким фашистам.

Подполковник Крулев, которого в дивизии считали интриганом, догадывался, что огонь батарей не причиняет урона противнику.

Фельдфебель Нагель, его ценили за познание истории Рима, собирал в ранец личные вещи убитого ефрейтора Кнока, которые затем будут отправлены семье убитого:

- пачка писем,
- две фотографии с женой и детьми,
- мельхиоровый портсигар,
- роман "Я был с ними" в глассированной обложке,
- евангелие,
- пластмассовый шарик,
- колода игральных карт.

Ефрейтор Овчинников, по приказанию Малофеева заменивший Семена Александровича Макарова, - ему вскоре будет объявлена благодарность за то, что, получив контузию, он не оставил своего поста, - глупо улыбался и повторял: "Мать моя родная, мать моя родная!"

Снарядом гаубичной батареи, у которой половина орудий находилась в ремонте, был убит майор Вилли Фет, до войны он занимался в секции любителей бокса, вес до 70 кг, и ранен товарищ его Отто Майер, проникающее ранение левого легкого. Отто Майер - блондин.

Наблюдатель артиллерийской разведки Лиходеев, по званию сержант, - он находился в заводской трубе, на треть разрушенной, - доложил, что видит в расположении немцев черный дым. Подполковник Крулев тотчас сообщил об этом командиру штаба и предложил усилить огонь другими батареями с наводкой на дым. Командир дивизии Соколов заметил, что орудия не горят и что Крулеву была поставлена задача подавить огонь вражеских батарей, исполнения которой до сих пор не чувствуется.

Лейтенант Нушке предупредил наблюдателя - второго члена экипажа, что сейчас начнет снижение. Облачный слой оказался на уровне 800 метров. Когда "фокке-вульф" проходил облака, снарядом батареи, в которой у одной из пушек не сработал механизм выбрасывателя гильз, был легко ранен капитан Воробьев, вышедший из блиндажа без особой надобности.

Капитан Воробьев скоро вернется в строй, женится на госпитальной медсестре Любе и будет убит в Курляндии через один год и один день.

"Ахтунг, ахтунг", - начала работать рация "фокке-вульфа".

...Под самолетом простиралась равнина, которая теперь, когда трава пожухла, - деревья были уничтожены артиллерийским огнем или пошли на строительство оборонительных рубежей и укрытий, - походила на мелкомасштабную топографическую карту. Каждый бугорок земли и каждая впадина на ней были отмечены сосредоточением воронок - бомбовых, снарядных, минных, - и каждое повышение и понижение местности было артикулировано окопами, ходами сообщений, дзотами, позициями батарей, складами, колючей проволокой и надолбами.

Вся эта серая равнина с высоты восьмисот метров представлялась чертежом, назначение линий и точек на котором все менее составляло секрет по мере того, как она становилась, по простым, в сущности, правилам, оборонительной линией.

Но для Нушке и для его коллеги Густава Бергера задача состояла не в том, чтобы разгадать систему обороны русских, она давно была уже известна, а в том, чтобы найти в ней две 122-мм гаубицы, местонахождение капитана Кутузова, довольно пожилого, лысого, меланхоличного инвалида, непьющего, страдающего геморроем, и его подчиненных, ведущих огонь по саперному батальону майора Кныша, члена нацистской партии с 1923 года.

Вот список этих подчиненных:

И. П. Рыбников (не курит),

С. Т. Алишеров (женат),

Г. М. Чудиков (слесарь),

Р. В. Вохрушев (пишет стихи),

Б. М. Левицкий (еврей),

Ю. Л. Шор (имеет отдельную квартиру в Москве),

Г. Р. Иванов,

М. К. Иванов,

Ф. Д. Иванов,

А. В. Мухаметдинов (заряжающий),

К. Н. Николаев,

З. И. Шульман (19 лет).

Лейтенант Нушке и его коллега - радист-пулеметчик - одновременно заметили, как впереди, за прямоугольником бывшего железнодорожного пакгауза, забегали микроскопические фигурки вокруг таких же микроскопических механизмов.

Лейтенант потянул штурвал на себя и сказал: "Густав, ты не объяснишь мне, как это нашей маленькой Германии удалось уседлать этого свинячьего гиганта и почему наш могущественный рейх так и не сумел нокаутировать эту рябую бабу?"

37-мм снаряд разорвался прямо в кабине "фокке-вульфа", когда он уже входил в облачность. Самолет с мертвым экипажем продолжал лететь и упал в пятнадцати километрах от того пакгауза, за которым стояла зенитная батарея.

Сбитый самолет, после запальчивых споров командиров батарей, которые также открыли по разведчику огонь, был приписан к боевому счету батареи 85-мм пушек, и сейчас, через сто лет, в "красном уголке" этого подразделения вы можете увидеть цифру 7 - число сбитых батарей во время войны самолетов противника, в то время как эта "рама" должна была числиться за дивизионом МЗА войск ПВО.

Это единственное, хотя и косвенное и недостоверное, но публичное и охраняемое свидетельство о бывшей жизни лейтенанта Нушке и фельдфебеля Густава Бергера. В Германии даже такого свидетельства не имеется.

Первой закончила огонь гаубичная батарея, норма дефицитных 122 мм снарядов была использована полностью. Две другие батареи прекратили стрельбу после того, как карательный артиллерийский налет на позиции 316-го стрелкового полка закончился. Всего с обеих сторон было выпущено 758 снарядов.

Итог артиллерийского боя от 17 октября 1943 года под Колпино: убито 9 человек:

А. К. Абрамцев, рядовой,
Г. Бергер, фельдфебель,
П. С. Зайцев, рядовой,
И. И. Иванов, сержант,
Р. Кнок, ефрейтор,
О. Майер, рядовой,
Р. Нушке, лейтенант,
С. С. Потапов, рядовой,
М. П. Сидоров, рядовой.

Русские потеряли на одного человека больше, но зато немцы понесли большой материальный ущерб: убито четыре лошади, приведено в негодность 750 метров колючей проволоки, 17 мешков цемента, повреждено две автомашины и одна сгорела полностью. У русских пострадало одно земляное укрытие, которое к ночи было подправлено, и ефрейтор Овчинников занял свой прежний топчан, хотя мог бы выбрать другой.

В октябре, особенно в пасмурные дни, смеркается быстро. Но облачность в этот день к вечеру рассеялась, и Ивану Павлову пришлось лишний час отлеживаться в окопчике. Когда стемнело, он перебрался в траншею, напугав Пахомова, хотя тот знал, что в это время снайперы возвращаются из засады.

Павлов тихо смеялся. Все после засады возвращаются немного чокнутые.

(1998)

Георгий Иванов

Мелодия становится цветком,
Он распускается и осыпается,
Он делается ветром и песком,
Летящим на огонь весенним мотыльком,
Ветвями ивы в воду опускается...

Проходит тысяча мгновенных лет
И перевоплощается мелодия
В тяжёлый взгляд, в сиянье эполет,
В рейтузы, в ментик, в «Ваше благородие»
В корнета гвардии — о, почему бы нет?..

Туман... Тамань... Пустыня внемлет Богу.
— Как далеко до завтрашнего дня!..

И Лермонтов один выходит на дорогу,
Серебряными шпорами звеня.

(1951)

Задание 2

Многие школьники предпочитают знакомиться с произведениями литературы через их экранизации. Напишите эссе, в котором сопоставьте свое читательское и зрительское восприятие одного произведения классической или современной литературы. (Примерный объем 100 – 150 слов)

Желаем успехов!